

ТЕОРИЯ ФОКСА

ВИЛЬЯМ ТОПЧИЕВ

18+

Вильям Топчиев

Теория Фокса

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Вильям Топчиев

Теория Фокса / Вильям Топчиев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-06992-3

Торговец идеями Джималоун, он же Джим-одиночка, нарушил единственное правило черного рынка — хранить молчание. Теперь в отчаянной попытке спасти дочь ему предстоит найти свою последнюю идею — обнаружить источник компьютерного вируса, парализовавшего планету. Следы ведут в Китай, где Джим попадает в эпицентр событий.

ISBN 978-5-532-06992-3

© Вильям Топчиев, 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Посвящается Владимиру Н. Южакову

- Чего ты так боишься?
- Что у меня не хватит времени.
- На что?
- Чтобы понять, где мы.

Глава 1

– Скажи, за что ты меня убил?

Они сидели, всматриваясь друг в друга.

– Так всё же за что? – повторил он, держа руки в карманах. – Надеюсь, у тебя была хорошая причина. А то ведь, согласишься, как-то глупо умирать из-за нелепости, а?

Его лицо свело судорогой.

– Я не понимаю, о чём ты, Нельсон.

– Не понимаешь, Джимми? Ну, так послушай. Забавная история вышла сегодня ночью. Забавнее не бывает... Давай я расскажу, и мы посмеёмся...

Шапки на нём не было, ветер трепал непослушные тёмные волосы, уже слегка подёрнутые сединой.

– Ну, так вот, представь... Представь себе, Джимми, сижу я с покупателем лицом к лицу. Вокруг полный мрак – только я, он и лампа. Всё как всегда, обычная продажа. Деньги уже на счету, я передаю ему идею. Наизусть, по словам. Медленно, не спеша, как телеграмму зачитываю. Он ждёт до самого конца. И затем спокойно, не говоря ни слова, протягивает мне утренний выпуск «Уолл-стрит Журнал»... И прямо на первой странице: «Японский золотой запас пропал»... Дальше и читать не надо, всё и так понятно. Слово в слово – идея, которую я ему только что продал. Твоя идея, Джим!

Джим сидел на самом краю скамейки, ссутулившись, как будто холодное осеннее небо давило ему на плечи.

– И вот, – продолжил Нельсон, – мы сидим напротив друг друга в крошечной темноте, и вдруг до меня доходит, что лишь самый последний бездомный в самом дальнем углу нью-йоркской подземки ещё не в курсе... Что может быть страшнее? А, Джим? Продать уже слитую журналюгам идею!

Он замолчал; доносилось лишь обрывистое дыхание, его скулы свело в приступе ярости.

– Джим, ты когда-нибудь пробовал продать дилерам разбавленный кокаин? Целую тонну левого порошка? Причём так, что сам ты узнаёшь об этом последним?.. Тебе когда-нибудь бывало страшно, по-настоящему страшно? Так, чтобы дрожали колени и хотелось залезть под стол?

Взгляд Нельсона источал ненависть.

– Так вот, расскажи мне, Джим, зачем же ты её слил? Зачем ты меня убил?

Джим вздрогнул и отвел глаза. Затем, наконец, прошептал:

– Верни ему деньги.

– Вернуть?.. Ему?.. Деньги?! – Нельсон уставился на него. – Ты совсем потерял рассудок?! Ты забыл, кто я?! Это продавец ещё может вернуть деньги. И, может быть, покупатель его даже пощадит. Но я, я же не продавец! Я же оценщик, один из трёх во всём Нью-Йорке, будь проклят этот чёртов город! Все эти дележки, когда им надо найти цену идеи, идут ко мне. Ведь как узнать цену, не зная идеи? А если знаешь, то зачем тогда платить? Каждая третья сделка, каждая третья идея идёт через меня. Сотни, сотни идей за последние тридцать лет... И ведь я помню каждую...

Он вдруг побледнел и стиснул руки.

– Они... Все эти покупатели и их самые сокровенные секреты... Эти сумасшедшие коллекционеры, заплатившие за идеи миллионы... Знаешь, что они сейчас делают? Я ведь вижу их лица, прямо сейчас!.. Все они, до единого, эти сотни покупателей, проснулись сегодня и узнали, что я заговорил. Их оценщик заговорил! Это как если узнать, что твой банкир сошёл с ума и начал раздавать деньги прохожим. Слив сегодня одного, кого я солью завтра?

Он прикрыл глаза рукой. Двух пальцев на ней не было. Вместо них ладонь рассекал давний, грубый рубец. Его исковерканная рука казалась одним длинным шупальцем.

– За всё время было лишь четыре случая, чтобы оценщик заговорил. И ни разу – ни разу, Джим! – он не дожил до утра. Такое не прощают... Я мёртв! У меня на груди мишень размером в пол-Манхэттена. И повесил её ты. Меня убил ты, Джим...

Воздух между ними застыл.

– Скажи им, что это продавец. Что это – моя вина, – прошептал Джим, пар шёл у него изо рта.

Глаза Нельсона вспыхнули, в горячке, в приступе отчаяния он смотрел на него, как будто отказываясь поверить в происходящее.

– Джим!.. Да ты сам себя слышишь?! Они же не знают о тебе, что идеи – твои! Чёрт тебя возьми, да ты же сам настаивал, чтобы о тебе никто не знал! И ведь я, идиот, согласился – быть и продавцом, и оценщиком... Как же глупо получилось... Это конец...

Нельсона всего трясло. Его искусанные, синие губы дрожали. Вдруг он резко развернулся и посмотрел на Джима в упор.

– Ты же всё это знал, да? Ты ведь знал, что это мой приговор?

Джим закрыл глаза, затем кивнул.

– Знал, что, сливая идею, ты убиваешь меня? И всё равно слил?

Джим снова кивнул.

Нельсон вдруг замер, и лишь на виске у него пульсировала артерия. Затем он засунул руку в карман, достал термическую гранату и поставил её между ними... Взрыватель был взведён.

– Ты ведь знаешь, что это?

– Да... – Джим оторвал взгляд от гладкого цилиндра и посмотрел Нельсону в глаза. – Уничтожитель идей.

– В радиусе пяти метров не останется и байта информации. Даже по ДНК не смогут опознать... – Нельсон тяжело дышал. – И вот теперь, когда нас ничто не отвлекает, всё-таки поведай мне, Джим. Зачем ты меня убил?

Джим поднял голову и огляделся по сторонам. Он сам не знал, почему так любил эту часть Центрального парка – ту, где лес скатывается к озеру. Прелый запах листвы и грибов, торчащие из воды и все во мху, коряги. Уже наполовину опавшие кроны деревьев. Почти голые клёны вперемешку с держащимися до последнего дубами, струящийся сквозь них свет, отдающий своё последнее тепло. Единственное место в центре бетонного муравейника, где ещё можно было остаться наедине с собой.

– Нельсон, – сказал он наконец, – твой покупатель работает на Центральный банк. ЦБ Японии.

Нельсон побледнел.

– Быть не может! Я проверял.

– Может. И есть. Это государство.

Непослушными пальцами Джим расстегнул молнию, достал из нагрудного кармана помятую фотографию и протянул Нельсону. На ней двое сидели в машину.

– Того, кто слева, ты знаешь.

– Покупатель... – прошептал Нельсон.

– А справа, – сказал Джим, – это замглавы Центрального банка.

– Где... Где ты взял это фото? Оно... настоящее?

– Это государство, Нельсон. Сто процентов. Твой покупатель – государство...

Нельсон зажмурился и как-то весь сжался, схватился рукой за голову.

– Почему?! – простонал он. – Почему ты не сказал раньше?

– Я сам узнал только вчера. Твой телефон был выключен...

– Нее-е-т!.. Треклятая Зоя! Проклятый вирус! Телефон же не работает!

– Я так и подумал. Но найти тебя не смог... Я сделал всё, что мог, Нельсон. Но ты нарушил правило. Моё единственное правило: никаких властей... Когда я узнал, единственное, что осталось, это уничтожить идею. Рассказать её всем... И я её слил...

– Ты хочешь сказать... – Нельсон задыхался, – что вот из-за этого... Из-за этого своего глупого принципа ты меня убил? Не захотел поступиться, чтобы меня спасти?!

– Это было моё единственное условие, Нельсон. Тогда, два года назад, мы договорились: никаких властей. Никаких государств. Ты обещал.

– Да мало ли какие условия! – закричал Нельсон. – Мало ли кто что обещал! Это же жизнь! Моя жизнь! Ты что, не мог переступить через себя? Всего один раз? Государство... Ну и что такого, что государство?! Неужели я, человек, для тебя совсем ничего не значил?

Джим лишь покачивался, закрыв глаза.

– Так будь ты проклят, Джим! Трижды проклят. Ты не человек, нет! Вот так вот просто взять и убить...

Нельсон вынул из кармана руку с зажатым детонатором, его губы дрожали.

– Почему государства? – простонал он.

– Ты никогда раньше не спрашивал, – сказал Джим и посмотрел на него.

– А я раньше и подумать не мог, что погибну из-за этого. А вот теперь мне интересно. Так почему же государства, Джим?!

– У нас не хватает времени.

– О, нет! – сорвался Нельсон. – С этой скамейки ни ты, ни я уже не встанем. У нас всё время мира... Так что давай, рассказывай, ты, ублюдок! Я хочу знать, почему умираю...

Джим попытался заговорить, но горло пересохло. Где-то вдаль, из глубин города, урывками доносился звук полицейской сирены. Она завывала, пульсируя, и Джим вдруг почувствовал, как всё его тело сковало, холодные мурашки пробежали по спине.

– Так при чём здесь государство?! – прорычал Нельсон.

– Обман, – выдавил из себя Джим. – Государство – это обман... Крысиная стая, паразитирующая на людях... Обман... Я его ненавижу всем нутром, как кошки ненавидят собак. Вот почему.

– Чёртов одиночка... Джималоун... – Нельсон простонал, вцепившись себе в волосы. – Будь ты проклят! Да будь ты трижды проклят!.. И кого же оно обманывает?!

– Всех. Абсолютно всех.

– Меня. Меня оно тоже обманывает?

– Оно всех обманывает, Нельсон.

– Меня не интересуют все. Как оно обманывает меня? Меня, чёрт тебя возьми!

– Да во всём, Нельсон.

– Хватит! – он закричал в голос, тряся детонатором. – Хватит играть со мной! В чём оно обманывает меня?!

Джим затих.

– Ты же экономист, Нельсон.

– И что?!

– Ты потратил десяток лет, изучая экономику в Гарварде. Неужели ты не заметил, Нельсон? Вся эта твоя экономика – это гигантский обман. Целая наука – одно сплошное мошенничество, созданное государством, чтобы манипулировать, чтобы отвлекать внимание.

– Бред, – Нельсон замотал головой.

– За всю историю ни один экономист не заработал и цента, применяя экономику на практике. Они все либо преподают её, либо раздают предсказания. И все сидят на грантах и зарплатах. Никто экономику не применяет! Спроси меня почему.

– Бред!

– А потому, – продолжил Джим, – что ни один закон экономики не работает. Ни один!

– Бред!

– Возьми любой закон. Любой. Вот хоть закон спроса и предложения. Ведь что он говорит? Цена падает, спрос растёт, да? Возьми роскошь – что будет, если ты решишь продавать сумки Шанель по сто долларов? Кому они будут нужны? Возьми рекламу – ты увеличиваешь цену, направляешь её на рекламу и продаёшь ещё больше. Да в конце концов, посмотри на рынок акций! Самый большой рынок из всех. Что происходит, когда цена растёт? Все хотят купить. А когда падает? Помнишь прошлый биржевой крах? Бесконечная череда примеров, когда закон спроса и предложения даёт сбой. И знаешь почему? Да потому что он не работает. Вообще.

На лице Нельсона застыла гримаса боли.

– Ни один закон экономики, – продолжал Джим, – не воспроизводим. В физике или химии если проводишь два одинаковых эксперимента, на выходе будет один и тот же результат. В экономике же ни один эксперимент нельзя повторить. Вообще ни один! Поэтому их предсказания не работают. Да и потом, Нельсон... Ты ведь оценщик. Скажи, ты хоть раз видел стоящую идею, которую бы отдавали бесплатно?

Нельсон молча смотрел на него.

– А экономисты, – продолжил Джим, – раздают свои идеи направо и налево... Если бы они сами верили в то, что говорят, то были бы богаты. А нет... Все сидят на зарплате. Почему, Нельсон?

Джим замолчал. Ему на колено упал кленовый лист; он подобрал его и посмотрел сквозь него на свет. Солнце уже приподнялось над деревьями, и тусклый солнечный луч пронзил лист насквозь, обнажив кровавые прожилки, как вены, пульсирующие сквозь ещё недавно живую плоть.

– Наука, результаты которой нельзя ни воспроизвести, ни применить на практике. Которая не может создать ничего полезного. Как ты назовёшь подобную науку?

– Ты хочешь сказать, – проскрежетал Нельсон, – что все эти сотни тысяч людей, что они просто так?! Студенты, профессора... Нобелевские лауреаты?

– Нобелевская премия по экономике? Мошенничество. Вымысел. Фантом.

– Да что ты говоришь-то такое?! – Нельсон уставился на него.

– Не создавал Нобель никакой премии по экономике, – сказал Джим. – Ну, не создавал! Они придумали её в 1969 году.

– Они?!

– Государство. Нобелевская премия по экономике не имеет к Нобелю никакого отношения. Вообще никакого. Они просто присвоили себе бренд... Вставили имя Нобеля в название премии. Семья Нобеля пыталась было протестовать, но им быстро всё объяснили.

– И зачем им это нужно? Государству-то зачем всё это нужно?!

– Нельсон, скажи, а что такое государство? Кто это? Политики? Не больше чем пустобрёхи, которых волнует лишь, что скажут окружающие... Может быть, военные? Пушечное мясо в погоне за звёздочками. Кто ещё? Бюрократы? Серые, ничего не решающие мыши. Всё, что у них у всех есть, это лишь иллюзия... иллюзия власти... Так что такое государство, Нельсон? У кого настоящая власть?

Нельсон лишь тихо простонал.

– Есть только одна власть. Настоящая власть. Власть денег. И у кого она? Скажешь, у богатых? Нет, это всё пешки, мелочь. Сдача... Настоящая власть у того, кто печатает деньги. Тот, у кого в руках печатный станок, контролирует их всех – политиков, военных, бюрократов. Он и есть государство... Бенджамин Франклин, отец-основатель Америки, лицо Америки, смотрящее на мир с каждой столлларовой купюры... Так вот, Бенни бы тебе подтвердил. Ведь кем он был? Скромным печатником, в подвале которого стоял единственный на всю страну

станок, способный печатать деньги. Днём колонисты печатали купюры. А на ночь станок закрывали. И действительно, а вдруг кто-нибудь вздумает напечатать немного неучтённых денег, а?

– Ты... – запнулся Нельсон. – Ты хочешь сказать... что Франклин...

– Закрой глаза и представь себе, – сказал Джим. – Ночь, тёмный подвал, закрытый станок, дающий безграничную, абсолютную власть... И безвестный печатник, двести лет спустя снисходительно посматривающий на мир с каждой купюры... Ну что, всё понятно? Старик Бенни кое-что понимал в настоящей власти!

Через тропинку метнулась крыса. Они невольно проследили за ней взглядом.

– Отец-основатель нации печатал себе деньги?! Да ты с ума сошёл!

– Он сначала печатал деньги, а потом стал отцом-основателем. Чувствуешь разницу?

Нельсон сидел, не в силах пошевелиться.

– И что нужно, – продолжил Джим, – чтобы тебе никто не мешал спокойно печатать деньги? А прежде всего, чтобы никто о тебе не знал. Чтобы никто даже и не догадывался, чем ты таким занимаешься. Нужно прикрытие. Ореол загадочности и таинственности. И если ради этого придётся создать фальшивую науку, легенду прикрытия... Или фальшивую Нобелевскую премию, чтобы твои нобелевские лауреаты с важным видом обосновывали необходимость печатания ещё большего количества денег... Так что дело того стоит.

– Ты сошёл с ума... – выдохнул Нельсон.

– Что, не каждый день узнаёшь, что дело твоей жизни – обман? Что всё это подстроено теми несколькими ушлыми людьми на самом верху пищевой цепочки?

Джим раскачивался из стороны в сторону. Ветер скрипел в ветвях, срывая бурые листья, бросая их под ноги.

– Государство – крысиная нора, Нельсон. Куда ни помотришь, везде одно и то же – крысы, управляющие толпой. Бесконечный цикл. Обман... Даже Нобелевская премия, и та фальшивая! Так чему верить?!

Нельсон согнулся пополам, как от боли. Затем простонал:

– Джим! Ну это же природа так устроена. Она полна паразитов. Это же естественная ниша! Комары, ленточные черви, ракообразные, кукушки. Ты что, думал, в человеческом обществе их не будет?

Джим не отрывал взгляда от земли, упёршись руками в скамейку.

– Но это не значит, – тихо сказал он, – что нужно иметь с ними дело.

Город гудел – он сливался в одну тревожную ноту, как расстроенная струна какого-то гигантского невидимого контрабаса.

– И вот... И вот из-за этого ты меня убил? – голос Нельсона задрожал.

– Я ведь просил одного, Нельсон. Лишь одного – не иметь с ними дел. Мы договаривались...

– Ребёнок... О, какой же он ребёнок! И какой же я дурак!.. – простонал Нельсон, схватившись за голову. Ещё долго он что-то бормотал про себя. Затем вдруг, не поднимая головы, прорычал:

– Где? Где ты их доставал?!

– Кого?

– Идеи! – взорвался Нельсон, сотрясая кулаком со взрывателем. – Где ты находил все эти идеи?! Откуда? У кого ты их брал?!

Джим замер и затем прошептал:

– Два плюс два равняется пяти.

– Не шути со мной! Вот только не сейчас!

– Синтезировал, – выдохнул Джим. – Я их синтезировал. В мире идей два плюс два может равняться пяти.

– Опять этот чёртов абстракционизм, – выкрикнул Нельсон. – Примеры! Дай мне примеры.

– Цикады.

– Что цикады?!

– Есть виды цикад, которые личинками проводят под землей 11, 13 и даже 17 лет. Прежде чем всем одновременно выйти на поверхность. И затем всем снова исчезнуть. Понимаешь, 11 и 13 – есть, а 12 – нет. Почему?

– Простые числа?

Джим кивнул.

– Делятся только на единицу и на самих себя. Хищнику или паразиту трудно синхронизироваться с ними. Если ты сидишь под землей 12 лет, то любой хищник с циклом в 6 лет или даже в 4 года подстроится под твой ритм. А просиди под землей на год дольше, и ты выживешь.

– Что за чушь? – Нельсон снова сорвался на крик, и парочка на скамейке у озера обернулась. – Цикады? Какое значение это может иметь? Как это вообще может быть важно?

– Стратегия, на которой основано выживание целого вида, как она может быть неважна?

– И где тут синтез?

– Биология, математика, – ответил Джим.

– Бред, это всё бред собачий. Где ты взял эту идею? На сдачу купил у коллекционеров? Так ты переплатил, Джим!.. Большое, дай мне что-нибудь большое! Давай!

– Зачем тебе большая идея?

– А чтобы не так скучно было умирать, Джим.

Он поднял руку со взрывателем, его глаза блестели.

– Ну хорошо... Вот тебе... большая идея. Теория замены частей тела.

Джим взглянул на Нельсона, но тот молчал.

– Человечество развивается волнами. Их ещё называют индустриальными революциями. Три волны, каждая как цунами, сметающая всё на своём пути. Паровая машина, электричество и потом – компьютеры с интернетом. Три волны цунами, три революции, что сформировали мир. Что у них общего? Ты не можешь увидеть будущее, если не поймёшь их природу.

– Хватит загадок! – выпалил Нельсон. – Говори прямо.

– Индустриальные революции – это замена частей тела. Каждая волна сделала ненужной одну из них. Что заменил паровой двигатель?

– Ноги?

Джим кивнул.

– Чтобы перемещать грузы, ноги стали не нужны. Достаточно поезда или машины. Вторая волна – электричество – сделала ненужными руки. Электрические инструменты, конвейер, а потом – роботы. Нужда в руках отпала. Затем пришла очередь нервной системы – компьютер с интернетом заменили её. Это была третья революция, третья волна. Стало возможным передавать информацию без человека. И заодно – память. Чтобы передавать и сохранять информацию, человек тоже больше не нужен. Что дальше? Что ещё осталось у человека? Что ещё можно заменить?

– Мозг?

– До мозга... Глаза и уши, Нельсон! Зрение и слух. Сенсоры! Раньше компьютеры не могли самостоятельно воспринимать внешнюю информацию. Они не понимали, что изображено на картинках, не распознавали звуки и речь. А теперь могут. Мы научили их. Компьютер получил зрение и слух. И поэтому сенсорная революция будет даже помощнее, чем пар, электричество и интернет.

– Она заменяет часть тела... – пробормотал Нельсон.

– Сначала ноги, руки и нервная система с памятью. Теперь – зрение и слух. Это повторение одной и той же закономерности.

– И при чём тут синтез? Как это всё применить?

– А просто посмотри в историю. Посмотри, к чему привели первые три волны, три революции. К гегемонии стран, которые их возглавили. Сначала Англии, потом – Америки. А ведь первая волна началась в Италии. Это всё с Галилея пошло. На церковном служении в Пизе он смотрел на колеблющуюся лампаду и от скуки считал свой пульс. И вдруг заметил, что, как бы быстро лампада ни колебалась, одно колебание всегда занимало одно и то же время.

– Маятник, – сказал Нельсон.

– Закон маятника, – Джим кивнул. – Длина маятника, а не его скорость или амплитуда, определяет время между колебаниями. Маятник дал Галилею то, чего ни у кого до него не было. Он нашёл способ измерять время надёжно и точно, а не с помощью песочных часов. И это положило начало науке.

– Религия породила науку... – пробормотал Нельсон, положив руку со взрывателем на колено.

– А когда поняла это, попыталась удушить в зародыше, но было поздно. Галилея было не спасти, но вирус науки уже вырвался на свободу. В год смерти Галилея родился Ньютон – он взял его наработки и изобрёл дифференциальные уравнения, которые позволили измерить изменения во времени. И это породило первую волну. И скоро подчинило весь мир. Англичанам, с их искусственными ногами, нужен был один работник там, где остальным требовались десять. И скоро маленький и Богом забытый островок на северо-западе Европы становится Британской Империей, а могущественная Италия сжимается до не более чем туристического направления. И поэтому мир говорит на английском, а не на итальянском. Наука решает, кому жить, а кому умереть.

Взгляд Джима остановился на гранате, он смотрел на её тусклый, холодный блеск. От неё веяло смертью.

– Идет четвёртая волна, Нельсон. Четвёртая революция – сенсорная. И она будет помощнее всех предыдущих, пройдёт как цунами, сметая всё на своём пути. Началась в Америке, как и первая революция в Италии. Но кто в ней победит? Скажи мне, кто станет новой Англией?

Тот помолчал мгновение и наконец произнёс еле слышно:

– Китай.

Джим кивнул.

– Чтобы натренировать сенсоры, нужны данные и программисты. Много данных и много программистов. И у Китая есть и то, и другое, как ни у кого другого. Китай станет новой Британией! Добро пожаловать в новый мир.

– Синтез, значит... – Нельсон замер, прикрыв глаза. – Но как ты это делаешь?

Джим вздохнул.

– Ты хотел большую идею? Ну, так держи... Что было самым большим открытием тысячелетия? Двойная спираль ДНК, код жизни. Что может быть больше? Знаешь, кто его открыл?

– Уотсон и Крик.

– Пара сумасшедших студентов. И ничего больше. Что один, что другой. Никто, абсолютно никто не воспринимал их всерьёз. Без оборудования, денег, без каких-либо глубоких знаний. Просто пара любителей-экспериментаторов... Знаешь, что у них было, какое оборудование? Кусочки картона и проволоки, из которых они лепили модель ДНК. Со стороны это всё выглядело, как какой-то школьный проект. Конкуренты приходили посмеяться... И у конкурентов было всё – приборы, деньги, поддержка и признание. И тем не менее, открытие тысячелетия сделали именно Уотсон и Крик. Спроси меня почему.

– Почему? – голос Нельсона был едва слышен.

– Они следовали трём железным правилам синтеза. Первое: никогда не казаться самым умным в комнате. Потому что самому умному никто не поможет... Чувство превосходства и собственной значимости – вот лучшие друзья несчастных аналитиков, затерявшихся на обо-

чине истории. Истинные знания не даются заносчивым неудачникам. Свою дозу синтезаторы получают не от осознания того, что правы, а от процесса поиска правды... Это было главной ошибкой конкурентов: они были столь самоуверенными, что никто не хотел с ними разговаривать, делиться информацией. Они самоизолировались. А Уотсон и Крик слушали и слышали. Они разговаривали со всеми, и все им помогали. И это второе правило синтеза: слушать и задавать вопросы. Не спорить.

– Не спорить?

– Никогда, Нельсон! Это же бессмысленно – спор невозможно выиграть. Когда спорят, люди не слушают. Вместо этого, пока говорит другой, они думают, что сказать в ответ. И в результате никто никого не слушает. Все лишь говорят!.. Поэтому победить в споре невозможно. Невозможно переубедить соперника, если лишь он не захочет этого сам. Так что задача синтезатора – не пытаться убедить, а быть готовым к тому, чтобы убедили его самого. Спор бессмыслен...

Джим перевёл дыхание.

– Ну и третье, самое важное правило. Иди вдоль реки Сакраменто и подбирай самородки. Прямо с поверхности. Не ищи рассыпное золото, не трать жизнь на это. Никогда не копай.

– К чёрту загадки... – прорычал Нельсон. – Не сейчас...

– Идеи – как золото, Нельсон, бывают двух видов – самородки и россыпи. Тот, кто ищет рассыпное золото, отфильтровывает тонны песка и находит лишь крупички. Можно провести всю жизнь, зарываясь в один маленький прииск, и найти лишь крохотные идеи. Так физики ничего не знают об органической химии. Химики понятия не имеют о физике звёзд. Они все с головой ушли в свои маленькие мирки, свои прииски. Это копатели... Но ведь можно пройтись вдоль русла реки и найти огромные идеи, блестящие самородки, размером с кулак, лежащие прямо на поверхности – точно, как первые путешественники Калифорнии. Они просто шли вдоль реки Сакраменто и подбирали с земли гигантские куски золота. Они никогда не рылись в земле. Зачем копать?

– Странник, а не старатель? – откинулся назад Нельсон.

– Синтезатор... Зачем тратить всю жизнь и рыться в одном месте, когда чуть дальше, прямо за изгибом реки, лежат огромные идеи-самородки? Они лежат там и ждут тебя! Надо их лишь подобрать. Уотсон и Крик были странниками. Они узнали главные идеи из химии, физики, кристаллографии... А их конкуренты были типичными копателями, зарывшимися в одном прииске. Самоуверенные труженики лопаты, отказывающиеся поднять голову и выглянуть из своей ямы. Вот так... Три правила... Синтез... Собственно, так я узнал, что твои японцы потеряли золото.

У Нельсона перехватило дыхание.

– Как, как ты распутал это дело? Где же золото?

Джим ухмыльнулся.

– Его уже давно нет. Растратили... Неужели ты всерьёз полагал, что государство по-прежнему хранит золото Японии? Золото, которое Япония передала им на хранение.

– Как... ты узнал?!

– Это совсем простое дело. Ответ лежал на поверхности. Понадобилось синтезировать всего три идеи. Фембезэлемент, групповая безответственность и обычная алгебра.

– Стой... Ты о чём?! Ты же мне говорил... То, что я рассказал покупателю... Там ни слова не было ни о каком фембезэлементе. И в статье ты тоже...

– Покупатель услышал то, что он должен был услышать. Продавая торт, кондитер не рассказывает рецепт. Зачем покупателю знать, откуда на самом деле пришла идея?

Нельсон прикусил нижнюю губу.

– Так что фембезэлемент, групповая безответственность и обычная алгебра. Вот всё, что нужно для того, чтобы узнать, что золото пропало.

– Фембезэлемент? – прохрипел Нельсон. – Что это вообще за слово-то такое?

– Чарли Мангер обнаружил его. Если покопаешься в его старых интервью, то найдёшь. Люди отдают свои сбережения государству на хранение. А оно их тратит, вернее, пускает на ветер. Государства очень хорошо умеют это делать.

Нельсон смотрел молча.

– У растраченных денег есть странный эффект. Они возвращаются в экономику в виде зарплат и государственных расходов. Рост зарплат ведёт к подъёму оптимизма и экономического росту. Но люди не знают, что их сбережения растрачены, что их больше нет. Они по-прежнему считают, что владеют капиталом... И делают покупки, что ведёт к еще большему экономическому росту. Так государство удваивает ощущение благосостояния. Все выигрывают, если, конечно, не считать того, что капитал никогда не будет возвращён. Он был бездарно растрачен. Это и есть фембезэлемент. Всё, что ты даёшь государству, будет растрачено. Это в его природе.

Нельсон зажмурился и замотал головой. Джим продолжил:

– Далее – групповая безответственность. Если группа людей получает пользу от какой-либо вредоносной деятельности, но никто конкретный ответственности не несёт, такая группа продолжит этим заниматься. Особенно если они получают выгоду сейчас, а последствия наступят лишь потом. Это железный закон поведения групп. Посмотри на банкиров – они получают бонусы сегодня, а расплачиваться придётся, когда от них уже давно простынет след. Идеальный рецепт групповой безответственности. Государства работают по такой же схеме... Ну и, наконец, алгебра. В мире просто недостаточно золота. Возьми калькулятор и подсчитай, сколько его было добыто с начала истории человечества. Приблизительно, конечно, ведь никто не ведёт точный счёт. И ты увидишь, что все компании, банки и государства утверждают, что они владеют таким его количеством, которое намного превосходит объём добытого. Что это означает? Кто-то лжёт... И по-крупному. Угадай, кто?.. Вот так-то.

– И это всё? Ты нашёл ответ просто вот так, сидя на скамейке?

– Три идеи, три сильные модели указывают в одном и том же направлении. Это все доказательства, которые нужны. Нет нужды идти открывать хранилища, чтобы сказать, что золота больше нет. Государство украло его. Государство... Крысиная нора, говорю тебе...

Нельсон сидел, его плечи бессильно обвисли. С тоской он смотрел на бурые стены домов Вест-Сайда, едва видневшиеся сквозь завесу хмурых деревьев. Внезапно туча заслонила осеннее солнце, и ветер загудел в порыве. Как если бы ожидая этого сигнала, Нельсон вдруг весь побледнел, резко вытянул вперед руку с детонатором и посмотрел Джиму прямо в глаза. И вдруг оцепенел. Он видел его глаза, но в них не было страха. Нет, это был вовсе не страх. Это был воспаленный, горящий, страждущий взгляд алкаголика сквозь окно закрытого паба.

– Скажи, – спросил Джим. Его больной, шершавый голос прорывался сквозь шум ветра, – эти последние годы ты хорошо спал? Ты вообще спал?!

Нельсон смотрел на него, как оглушённый.

– А я не могу... – продолжил Джим. – Брежу немного, а потом лишь смотрю в потолок. И депрессия... Скручивает так, что не могу сказать и слова. У тебя была когда-нибудь депрессия? Настоящая, когда не можешь ответить кассиру, нужен ли тебе пакет? А я в ней живу каждый день...

Джим приглушённо вздохнул.

– Я ведь даже начал завидовать окружающим. Они не задаются лишними вопросами. Их обманывают – ну и что? Они счастливы, улыбаются. Смеются... Они же ничего не видят. И счастливы... Так почему я не мог быть, как все? Может, нужно было просто бежать вместе? Присоединиться? Быть счастливым!.. Для чего я здесь? Глупый синтезатор... Идеи? Да к чёрту все эти идеи! Какой в них смысл?! Я жалок... А ведь было время, я считал себя исследователем, путешественником, повстанцем. Шерлоком Холмсом теневого сообщества, Агатой

Кристи группового поведения, Тесеем человеческой природы в поиске пути через лабиринт Минотавра. И кем оказался? Менялой. Делягой, продающим идеи по пятаку за штуку...

Его вдруг всего передёрнуло, и он прорычал:

– Так что хватит тянуть! Жми, Нельсон! Давай, жми! Покончим с этим...

Нельсон задрожал, посмотрел исподлобья, затем подхватил искалеченной рукой гранату и наклонился вплотную.

– Джим... – прошептал он, его стальные глаза блеснули. – Будь ты проклят. Будь ты проклят, Джим!

Затем Нельсон поднялся и, пошатываясь, побрел вниз по тропинке, длинными лапами пальто цепляясь за пожухлую траву. Не в силах сдвинуться с места, Джим ещё долго смотрел ему вслед, пока он не растаял в тумане.

Глава 2

Моросил дождь. Капли шумели по истёртому серому асфальту, вспученному корнями. Как в замедленном движении, по лужам шла рябь, гулко шуршали намокшие листья.

Уже который час Джим шёл, спотыкаясь, зарываясь почерневшими, промокшими насквозь ботинками в ворохи опавшей листвы, не разбирая дороги, вытирая лицо рукавом.

Узкая тропинка прижалась к скале, и он коснулся гранита кончиками пальцев. Мокрый, шероховатый камень, казалось, плакал о жестокости и несправедливости мира, свидетелем которой ему пришлось быть за время своей бесконечности. Джим вдруг кожей почувствовал людские судьбы, пронёсшиеся мимо камня по этой тропинке в стремительном водовороте жизни. Он ощущал их так ясно, будто они смотрели на него со старых чёрно-белых фотографий, безмолвно осуждая. Как будто вина за все их робкие надежды, преданные, растоптанные временем.

«Будь ты проклят, – камень будто шептал ему. – Будь ты проклят...»

Джиму вдруг нестерпимо захотелось бежать – сразу, прямо сейчас, изо всех сил, из этой давящей тишины. Куда угодно, лишь бы отсюда. От мыслей. Туда, где шумно, где люди.

Он бросился поперёк парка, срезая углы, прямо по траве. Бежал, перескакивая через ограждения и кусты, поскальзываясь, как будто спасаясь от какого-то безжалостного чудовища, боясь даже взглянуть назад.

Подтянувшись на руках, он перевалился через приземистый каменный забор, споткнулся о грубые булыжники мостовой и чуть было не упал. Сделав по инерции ещё несколько шагов, он, наконец, остановился и поднял голову. Улица была забита машинами, и красные огни сплошными линиями отражались от мокрого асфальта. На секунду он замер в нерешительности, задыхаясь, но земля вдруг задрожала – где-то глубоко внизу шла подземка. Джим встрепенулся и оглянулся по сторонам. Слева в тумане угадывался угол 81-й улицы; вход в метро зиял как первобытная пещера, и Джим побегал, по мокрым каменным ступеням соскользнув в сырое, затхлое подземелье. Проскочив турникеты, он ворвался на платформу и замер, зажмурившись, упиваясь оглушающим скрежетом экспресса, летящего по параллельной ветке без остановки, как погнавшая лошадь.

Улыбка играла у него на губах. Это была улыбка больного, впервые почувствовавшего морфин.

Рельсы экспресса ещё стонали, когда подошёл встречный поезд, и двери с лязгом распахнулись. Вагон был полон людей, и Джим бросился в него. Вцепившись в поручень, он жадно вслушивался в разговоры, наслаждался какофонией звуков, впитывал запах промокшей одежды и парфюма. Никто не обратил на него внимания, даже не посмотрел, но с каждым перестуком колёс паника отступала...

Он вышел на 110-й. Цепляясь за перила, поднялся вверх и ещё долго стоял, задрал голову, не в силах пошевелиться, чувствуя капли дождя на губах. Затем вдруг вздрогнул и оглянулся – он был посреди тротуара, совершенно один в потоке зонтов. Как если бы о чем-то вспомнил, Джим взглянул на часы, затем развернулся и широкими шагами начал подниматься вверх, на запад.

Несколько кварталов спустя он, не оглядываясь, под сигналы машин перебежал дорогу и свернул направо. Через всю улицу громоздился каменный мост, с низких балок, нависающих прямо над головой, срывались свинцовые капли, с гулким эхом они разбивались об асфальт. Он прошёл напрямую, прямо по лужам, подошёл к позеленевшим от старости воротам, нервно осмотрелся и уперся коленом в створку. Нехотя заскрипев, она поддалась. Ещё раз он взглянул по сторонам, проскользнул внутрь и очутился перед полустёртой временем мраморной лестницей. Он ступил на неё, но не успел сделать и двух шагов, как сзади послышалось:

– Вот это да! Посмотри-ка, кто пожаловал! Да это же сам Джим-одиночка! Джималоун! Джим резко обернулся на звук. В углу, прислонившись, стоял невысокий худощавый человек. В потрёпанной шинели такого же серого цвета, как и его лицо, он сливался со стеной. Шарф змеёй окутывал его тонкую шею.

– Уф, Артём, ты меня напугал! Как ты меня нашёл?

– А ты предсказуем, Джимми, – ответил Артём, покручивая ус и ухмыляясь. – Ты сюда как на работу ходишь. Где же тебя ещё искать, как не здесь?.. И чего ты тут нашёл? Часовня Святого Павла? Какие-то воспоминания, да?

Наверху он приоткрыл дверь и пропустил Джима вперёд. Плавные движения и мягкая речь делали его похожим на утончённого, добродушного итальянского интеллектуала. Но почему-то Джим не мог отогнать от себя назойливую мысль о том, каким, должно быть, лютым, ненавидящим взглядом каждое утро Артём смотрит на себя в зеркало.

– Откуда ты узнал? Где ты достал её? – прошептал Джим, когда они присели сбоку, недалеко от входа.

– Фотографию-то? Ведь пригодилась, да? – тоже прошептал было Артём, но затем оглянулся и стал говорить в полный голос. Часовня была пуста. – Я скажу так: мы ненавидим государства даже больше, чем ты. Но в отличие от тебя мы своего врага знаем в лицо.

Джим чувствовал биение своего сердца, как тяжело оно отдавалось у него в висках.

– Что тебе надо? – спросил он.

– Да вот подумал, что после сегодняшнего приключения ты решишь залечь на дно. А тем временем наше маленькое дело ещё не окончено... Нам нужна твоя помощь. Нужна одна небольшая идея.

– Я тебе ничего не должен. Я обещал лишь выслушать тебя.

– Конечно, конечно, – поспешно сказал Артём. – Вот я и говорю... И я говорю тебе, что нам нужна идея. И мы просим – просим, Джим! – чтобы ты её нам нашёл.

Гулким эхо его слова отражались от холодных стен. Отопления в старом здании не было, и Артём начал растирать ладони. В воздухе стоял затхлый запах сырости и старого дерева.

– Ну и что за идея?

– Крохотная идея... Пустяк. – Он снова потёр руки. Его глаза с нездоровым блеском блуждали по фрескам на потолке. – Религия. Сделай нам религию. Спроектируй нам новую веру... Для нашего нового мира науки.

Джим уставился на него в оцепенении.

– Новую религию?! Зачем?

– Люди управляются насилием, лидерами, дезинформацией и религией. Первые три у нас уже есть. Остаётся лишь религия. Но времени почти не осталось. Совсем. Годами мы откладывали её на потом. Ну и вот, как видишь, дотянули до последнего, как всегда. Так что дело горит... Сделай нам новую религию, Джим!

– А существующие-то чем не подходят? – Джим не смог сдержать саркастической ухмылки.

– А они больше не будут работать. Ни одна из них... Они же все созданы, чтобы держать под контролем толпы. Но в новом мире, нашем мире науки, толку от них не будет. Вот возьми хотя бы чувство вины. Они почти все его создают. Они хотят, чтобы люди чувствовали себя виноватыми. Христианство винит в распятии Христа. Джим, посмотри на него... Вот просто посмотри на него. – Он обернулся и махнул рукой в сторону стены, где мрачной тенью возвышался крест. – Он как будто говорит: «Эй, ты! Это ты убил меня. Ты, криворукый, в сером шарфе, ты убил меня!» Крест нужен, чтобы винить, ведь виноватыми так легко управлять. Чувство вины разлито повсюду, им насквозь пропитано всё – благотворительность, политкорректность... Всё! Вины и властвуй! – Артём негромко рассмеялся. – Это мощнейшее оружие, и, конечно, было бы странно, если бы религия его не использовала. Но тут есть проблема. Для

них это уже не просто оружие. Это стало их основанием, фундаментом. Без всех этих «господи, помилуй» они уже не могут контролировать своих подопечных. Они полностью полагаются на него. И поэтому христианство более не будет работать.

– И почему же?

– А потому что заложить чувство вины в рациональный ум учёного намного сложнее, чем в ум обычного человека. Вот поэтому нам и нужна новая религия, которая не будет винить.

– Тогда берите иудаизм, – сказал Джим. – Эти ребята никого не винят. И их система работает как часы.

– Чувство осаждённой крепости? Кругом враги? Мы избранные, а все остальные против нас? – Артём прищёлкнул языком. – Тоже не будет работать. Новый мир учёных монолитен. Нам не нужно создавать врагов, чтобы объединиться. Будем только мы.

В морщинках вокруг его глаз Джим пытался разглядеть, не шутит ли он.

– Но чувство вины и осаждённой крепости – это всё ерунда. Основная проблема – это, конечно, Бог.

– В смысле? – спросил Джим.

– Это должна быть религия без Бога.

– Религия без Бога? – Джим уставился на него в растерянности, не зная, что сказать. – Как так?

– А вот именно так! – воскликнул Артём.

«Так!.. Так... Так...» – отозвалось за ним эхо холодных кирпичных стен.

– Так не бывает.

– Джим, скажи мне, какое отношение существующие религии, церковь имеют к Богу? Что такое церковь? Кто все эти люди? – Артём на секунду замолчал. – К Богу они имеют не большее отношение, чем уличный спекулянт билетов к театру. Возьми Папу Римского. Кто этот человек? Персонаж в вычурных одеждах, бормочущий всякую ересь на мёртвом языке. Кто все эти люди, Джим? Я тебя спрашиваю, кто? Эти орды священников, мулл, раввинов. Чёрт побери, что такое вообще – церковь? Какое отношение она имеет к Богу?

– Ну и? – Джим наклонил голову.

– Помнишь, ты пытался растрогать меня своей заунывной историей про фальшивую Нобелевскую премию по экономике? Так вот... церковь – это то же самое. Просто кучка людей захватила бренд «Бог». Они монополизировали его и теперь управляют обществом. Кто посмеет пойти против Бога? Против них?

– Ну и что? – спросил Джим. – Было бы странно, если бы было иначе... Весь мир гнилой до основания... Какой смысл винить группу сообразительных людей в том, что они сориентировались и научились управлять другими?

– А кто говорит, что я их виню? Я их и не виню вовсе. Я их понимаю и очень даже симпатизирую. Мне нравятся талантливые люди. Всё, что я говорю: их схема более не будет работать. Она работала для обычных людей, для плебса, для толпы. Но управлять учёными с её помощью не получится. Поэтому-то нам и нужна религия, которая не притворяется, что у неё есть какая-то «прямая линия» с Богом, что она с ним на ты.

– И какая альтернатива?

– Вот! – воскликнул Артём. – Я знал, что ты спросишь. Религия, которая вместо того, чтобы претендовать на близкое знакомство с Богом, будет заниматься его поиском. Религия, единственной целью которой является поиск Бога. И поэтому нам нужен ты.

– Я?! – Джим вздрогнул.

Артём испытующе смотрел на него.

– Ну, и как же вы собираетесь его искать? – Джим откинулся назад, по его спине стекали холодные капли воды.

– С помощью науки.

- Науки? – Джим едко ухмыльнулся. – Думаешь, наука может это сделать?
- Почему нет? Поиск истины – конечная цель науки. Бог – конечная истина. Его поиск – цель науки. Всё просто.
- Ты действительно считаешь, что люди будут верить в науку? Что поиск истины – её цель? – спросил Джим.
- Почему нет?
- Ты что, и правда думаешь, что наука честна? Что у неё возвышенные цели?
- Без сомнения.
- Как интересно... – Джим натянуто рассмеялся. – Тогда объясни мне парадокс зелёной энергии.
- Зелёной чего? – переспросил Артём, накручивая ус.
- Энергии... Учёные, которые разрабатывают все эти новые зелёные технологии – солнечную и ветровую энергию, думают, что сохраняют окружающую среду. Но скоро они сделают её дешевле нефти и газа. Как считаешь, что произойдёт тогда?
- Энергия станет чище.
- Джим замотал головой и сказал:
- Энергия – это неограниченная пища и вода. Энергию можно конвертировать в пищу почти напрямую. Если есть энергия, еду можно выращивать хоть в пещере. И опреснять морскую воду. А что происходило в прошлом, когда у людей появлялись избыточные еда и вода?
- Рост населения? – спросил Артём.
- Не рост. Взрыв! Португальцы привезли из Америки в Китай сладкий картофель батат. До этого у них были в основном рис и пшеница, которые росли лишь в паре мест. Но батат рос где угодно, даже чуть ли не на северо-востоке. Вскоре этим бататом покрылся весь Китай. И всего за какую-то сотню лет число китайцев увеличилось со 150 до 300 миллионов. В первую очередь благодаря батату. А вот теперь скажи мне, что произойдёт, когда пища и вода станут неограниченными?
- Артём смотрел, молча покачивая ногой.
- Сахара станет Манхэттеном, – ответил за него Джим, – с бескрайними улицами и уходящими в небо башнями. Вся планета превратится в один гигантский город. Как ты думаешь, в этом урбанистическом монстре останется место для зелёной, дикой природы?.. Она просто исчезнет. Она обречена. Интересно, не правда ли? Зелёная энергия – это то, что полностью уничтожит зелёную природу. Не будет более слонов, волков, кенгуру и панд – они все обречены. Учёные – такие, как ты – уничтожат их. Останутся лишь зоопарки. И скоро, очень скоро.
- Джим перевёл дыхание.
- Артём, в мире нет ничего более разрушительного, чем наука. Не ищет она Бога. Не ищет истину. Истина ей безразлична. Она лишь ищет всё новые ресурсы, чтобы человечество могло размножаться... Чтобы группа могла расти.
- Артём немного помолчал, бродя глазами по потолку.
- Нет, Джимми... Вот тут ты ошибаешься. – Он наклонил голову, сложив руки на груди. – Ты наивно полагаешь, что население продолжит расти.
- Почему нет? Это как раз то, чем научный прогресс занимался до сих пор, – увеличением количества людей.
- Просто у нас не было выбора, — Артём пожал плечами. – Мы, учёные, толкаем человечество вперёд. Но мы – это лишь один процент от всего населения, даже меньше. Представь, что человечество – это поезд со ста вагонами. Поезд, ведомый локомотивом, первым вагоном. Нами. Учёными, которые двигают научный процесс. А все остальные под завязку забиты безбилетниками. Нормальными людьми, как ты их называешь. Девяносто девять процентов людей – безбилетники. Они ничего не делают, чтобы толкать этот поезд. Но как только предостав-

ляется возможность, они дают потомство. Это они размножаются, не мы. – Его воспалённые глаза блеснули. – И всё это время они управляют нами. Мы их рабы.

– Рабы? —спросил Джим.

– Мы живём в обществе, которое даёт один голос каждому. Гениальный ли это физик или бессмысленный офисный клерк – неважно. Все получают по одному голосу. В итоге нами управляют безбилетники. А этими простакнами управляют политики и СМИ. И всё это цементируется религией, которая делает вид, что имеет какое-то отношение к Богу. И в результате мы, учёные, единственный полезный класс общества, мозг человечества, подчинены говорящим головам из телевизора, политиканам и священникам. . . – он схватился за спинку скамейки перед собой и весь затрясся от возбуждения и злости. – Но пришло время перемен! Хвост более не будет вилять собакой. Восстание грядёт!

– Восстание?

– Да! – Артём посмотрел на него искоса. – Восстание учёных. Революция. Этот мир будет наш, Джим!

– Революция?

– Сколько же лет мы готовились! И вот – наконец-то!

Джим прикрыл глаза.

– Но как же вы будете управлять теми девянота девятью вагонами без религии? Как вы убедите людей не делать зла? Для многих жизнь – не что иное, как тест, экзамен перед следующей жизнью. Это единственное, что не позволяет им слететь с катушек, заставляет вести себя хорошо. Ты сам сказал, религия цементирует это общество. Да, именно так! И если ты уберёшь цемент, всё развалится. Чем же ты собираешься заменить религию?

– О нет, мы не собираемся избавляться от религии, – Артём затряс головой. – Мы не настолько глупы.

– Нет?

– Нет. . . – прошипел он вдруг, и что-то дьявольское было в этом звуке.

Джим вздрогнул и отодвинулся чуть в сторону.

– Мы избавимся от безбилетников.

– Людей?!

– Все эти столетия они были нам нужны, лишь чтобы кормить нас. Нам приходилось их терпеть. . . Триста лет назад нужны были тысячи крестьян, чтобы прокормить одного из нас. Одного учёного. Сто лет назад хватало уже всего нескольких сотен. Чуть позже и десятка было достаточно. А сейчас крестьяне не нужны нам вообще. Водители – не нужны. Строители, юристы – не нужны. Офисный планктон, все эти сотни миллионов людей в костюмах и галстуках, теперь они все – балласт! Но они по инерции правят нами. . . Пора это остановить. Пришло время отцепить вагоны и дальше ехать налегке. Пришла эра учёных, Джим! Мы забираем власть себе.

– Но это восемь миллиардов человек. . . – прошептал Джим. – Что ты предлагаешь с ними сделать?

– Джимми, ты с нами? – спросил Артём. – Это твой последний шанс. . . В новом мире нет полутонов. Нужно выбирать: красная или синяя таблетка? Присоединяйся, и ты принесёшь смысл в этот мир! Создашь новую религию. Религию науки! Это восстание учёных! Мы возглавим его вместе, Джим. Революция!

Его всего трясло как в горячке. Лицо вытянулось, глаза горели в приступе ненависти.

– Десять лет! Целых десять лет мы готовились, ждали. . . И вот этот момент настал. Наконец-то мы готовы дёрнуть этот чертов рублик и пустить вагоны под откос! Сбросить балласт. Пора брать власть в свои руки. . . Мы создадим новое общество. Мы победим!

«Безумие!» – содрогнулся Джим.

– Нами больше не будут управлять... Мы победим! – повторял Артём как мантру. – Ты с нами? Решайся, Джим! Последняя возможность. Присоединяйся... Мы построим новый мир!

Джим собирался встать, как вдруг Артём замолчал, достал из кармана рацию и вставил наушник в ухо. Прижав его всей ладонью, он молча слушал. Наконец, большим пальцем зажал кнопку ответа и сказал раздражённо:

– Тогда чего вы ждёте? Приступайте!

Он всё ещё прятал рацию обратно в нагрудный карман, когда скрипнула дверь и показалась девочка в школьной форме. Искоса бросив на них взгляд, она сразу же прошла в дальний угол и присела, скрывшись за спинкой скамейки, лишь голубая ленточка на шляпке напоминала о ней. Её появление дало Джиму несколько секунд, чтобы собраться с мыслями.

– Я одинокий волк... – сказал он наконец. – Я сам по себе.

Повисла долгая пауза.

– Как всё это чертовски грустно, Джимми, – выдохнул Артём. – Я надеялся...

В этот момент в тусклом свете, пробивающемся через витражи узких окон, он вдруг показался Джиму потерянным. Безумие исчезло так же быстро, как и появилось, без следа. Всё, что осталось, было одиночество. Он сидел уставший и забытый. Джим протянул было руку и хотел что-то сказать, но Артём уже совладал с собой и поднялся на ноги. Сделав несколько решительных шагов к выходу, он приоткрыл дверь и, загородив собой свет, обернулся. Вокруг него вспыхнуло тусклое свечение.

– Беги, Джим! Она началась, – сказал он, и его голос загромыхал, заполнив собой всю часовню. – Спасайся! Держись как можно дальше от людей. Спасайся, Джим! Подальше от больших городов... Слышишь? Слышишь меня?! Держись подальше от больших городов.

Промозглый ноябрьский туман уже поглотил его, но стены ещё отзывались гулким эхом:

– ...Больших городов!..

– ...городов...

– ...городов...

Два часа спустя Джим отсутствующим взглядом смотрел на банку из-под колы у разделительного ограждения хайвея. Порывы ветра перекачивали её из стороны в сторону. Её выбросили совсем недавно: рисунок на стенках ещё радостно переливался, как если бы впереди у неё было будущее.

– Пробка!.. Весь город – одна большая пробка! – с задором воскликнуло радио. – Даже не буду говорить, куда сегодня не стоит соваться. Это неважно. Ведь стоит, друзья мои, всё!

Короткими рывками от столба к столбу такси сумело выбраться из каменного капкана Манхэттена, сквозь восточный Гарлем, лишь затем, чтобы намертво застрять здесь, в Квинсе, всего в нескольких милях от аэропорта. Таксист выругался на каком-то неизвестном Джиму диалекте и бессильно уткнулся головой в руль. Машина взвыла, но никто вокруг не обратил внимания. На забитой поперечной улице светофоры обречённо перемигивались жёлтым, кривой линией исчезая за холмом.

Наконец, Джим встрепенулся, просунул в проём водительской клетки несколько двадцаток и ногой распахнул дверь. Закинув на плечо рюкзак, он зашагал вперёд, протискиваясь между машинами. В левом ряду безнадежно зажатая «скорая помощь» всё не теряла надежды прорваться, её сирена ещё долго надрывалась позади.

Зал вылета был похож на разворошённый улей. Люди металась из стороны в сторону, багаж разбросан повсюду. Пройдя сквозь детекторы, Джим тут же свернул в туалет, сорвал с себя парик и усы и замер перед зеркалом, уперевшись обеими руками в умывальник. Сквозь мутное стекло на него смотрело осунувшееся, вытянутое лицо, скулы резко выступали, горели воспалённые глаза.

«Да, Джим...»

Наконец, усилием воли он выпрямился и направился к двери.

Стойка 57 была пуста. Лишь скусающая девушка в форме задумчиво полировала ногти.

– А где все? – еле слышно спросил Джим, протягивая ей паспорт.

– Застряли. Должен был лететь симфонический оркестр, – сказала она, перелистывая страницы, – но наглухо встали ещё чуть ли не в Нью-Джерси. Так что только вас и ждём, мистер Ра. Хотите место у прохода?

«Мистер Ра», – подумал он. Это был новый паспорт, и имя ещё резало слух.

Час спустя Джим лежал, свернувшись калачиком в кресле, обняв колени, пытаясь не думать. Нетронутое вино в стаканчике дрожало мелкой рябью. Моторы бубнили без остановки: «Будь ты проклят, будь ты проклят...» Незаметно силы оставили его, глаза закрылись, и разум перестал существовать...

Они стояли, глядя на него сверху вниз, в темноте. Оба лица расплывались – в тусклом мерцающем свете, падающем откуда-то сзади, они были лишь зыбкими силуэтами. Издалека сквозь туман доносился приглушённый, мягкий женский голос, но слова сливались друг с другом. Лишь иногда казалось, что как будто кто-то сдавленно рыдал... Джим попытался встать, но что-то намертво его сковало, мешало даже пошевелиться. Он мог лишь смотреть, вглядываться...

Вдруг раздался глухой звук, как если бы где-то далеко хлопнула дверь, и лица начали удаляться. Когда они уже почти превратились в мутные, размытые пятна, его пронзила мысль, что никогда, никогда больше он их не увидит. Что отныне и навсегда он будет один. Каждую его частицу, каждую клетку вдруг обуял всепоглощающий, глубинный страх. Он закричал.

Джим подскочил. Судорожно хватая ртом воздух, бешеным, непонимающим взглядом смотрел он на тёмные, пустые ряды кресел, на разлитое вино. Он вслушивался в монотонный гул двигателей, затем наконец без сил соскользнул обратно в кресло. И ещё долго лежал, дрожа, в холодном поту, уставившись в бесконечную тьму.

Глава 3

При виде денег загорелое лицо продавца озарилось. Его тонкие губы чуть искривились, но в последний момент он всё же смог сдержать улыбку. Машина была потрёпанной, и Джим и так догадывался, что переплачивает, но рядом с аэропортом это был последний ещё открытый магазин. И потом, было похоже, что раньше она была в хороших руках. Джим бросил продавцу плотную пачку, перевязанную тесьмой.

Когда он наконец выбрался из пригородов Брисбена, фонари уже заливали улицы теплым, обволакивающим светом. Ещё несколько светофоров, и ворчание засыпающего города осталось позади. Джим держал путь на север. Густой малиновый закат заливал небо, подсвечивая снизу плотные колонны кучевых облаков. Казалось, они нагромождались друг на друга, вздымаясь, подпирая невидимую крышу мира. Шины мягко шуршали по неровностям хайвея, и сквозь открытое окно из дебрей доносились последние перекрикивания кукабар. В багажнике позвякивали канистры с водой, зажатые между палаткой, ящиком с консервами и потёртой, выдавшей лучшие дни запаской.

Он закинул назад пустой стаканчик от кофе, пристроился за светящимся гружённым трейлером, неспешно бурчащим в левом ряду, и от мысли о предстоящей бессонной ночи ему вдруг стало легче.

Когда лучи солнца коснулись влажного песка, и первые струйки пара показали над берегом, Джим уже был на пристани. Уткнувшись спиной в пыльное колесо, он смотрел, как зелёный паром, грузно переваливаясь через прибой, подползал к берегу.

Впереди, по другую сторону пролива, уходя светлой полосой за горизонт, раскинулся Фрейзер Айланд. К верхушке холма, затаившегося где-то в глубине острова, прицепилось облако; океанский бриз пытался его отогнать, но оно сопротивлялось, вытянувшись в сигару. В стороне, на скале забытой всеми одинокой чайкой пристроился маяк. В утренней дымке он был едва различим.

«Почти на месте, Джим. Потерпи... Совсем немного осталось...»

Джим с трудом поднялся на ноги, достал флягу и перелил в неё остатки кофе. Паром был уже совсем близко, и капитан с нескрываемым любопытством разглядывал одинокую фигуру Джима.

– Привет, дружище, – сказал он через борт.

– Привет, – ответил Джим.

– Ты уверен, что тебе туда? – паромщик кивнул в сторону острова. – Сейчас же не сезон.

Джим лишь кивнул.

– Ну смотри, – ответил паромщик и опустил трап.

Джим ещё допивал кофе, когда паром уткнулся в противоположный берег, и весь железный каркас застонал. От неожиданности Джим выронил флягу и едва успел за что-то ухватиться. Затем он забрался за руль, согнал машину по трапу вниз, стараясь не соскользнуть с узкой полоски металла, и сквозь окно кивнул на прощание капитану. Перед ним лежал пустой причал и полоска пляжа, прижатая к кромке воды наступающим кустарником.

Отойдя от причала грунтовая дорога начала было петлять, отыскивая бреши в густых зарослях, стуча камнями по днищу, но вдруг резко вильнула в сторону и пропала. Джим заглушил мотор и с трудом выбрался из машины. Перед ним простиралась бесконечность – белый песок складка за складкой сливался с облаками. Дюна...

Казалось, она была жива, покрыта еле уловимым, как паутина, тончайшим узором. Ветер срывал песчинки – невидимые, они неслись, вонзаясь в кожу бесчисленными иголками. Джим

ещё долго стоял, не двигаясь, вслушиваясь в завывание пустоты, в невнятный гул прибоя где-то вдалеке.

Дальше путь шёл прямо по дюне, то прижимаясь к самой кромке воды, то уводя в сторону, на барханы. Скользя по раскалённому песку, свистели шины, виляя, всё норовя сбросить его, как всадника, в сторону. Двумя руками Джим держал руль, упрямо ведя машину дальше, на север, вдоль берега, сбавляя скорость лишь у проржавевших указателей, вкопанных в песок каждые несколько километров. Появляясь всё реже и реже, они были единственным, что здесь ещё напоминало о людях.

Порой берег прерывался каскадами бурых скал – как хвост какого-то неведомого бронтозавра, цепочкой они уходили прямо в океан. И тогда заросшая дорога вновь восставала из песка и, как бы рыская, шла в обход, то ныряя в заросли, то лентой забираясь по крутым склонам.

Солнце уже начало катиться назад, за холмы, когда впереди возникла очередная скала. Джим сбавил газ и привычно начал всматриваться в кусты в поиске объезда – он должен был быть где-то здесь, рядом. Ещё немного и он показался – не более чем прореха в зарослях, с занесённым песком указателем. На металлической пластине сквозь выжженную солнцем траву ещё просматривался когда-то должно быть красный восклицательный знак, и Джим остановился.

Опасно для жизни! Следующие тридцать километров в зоне прилива. Движение возможно только при низкой воде.

Джим потянулся к бардачку, нащупал карточку со временем приливов, сверился с часами на руке. Оставалось почти полчаса, и он бросил машину вперёд, в объезд вокруг скалы, по ребристой поверхности песка, отполированной волнами и ветром. Справа бурлила, отступая, вода, а слева исполинами, грозя обрушиться, нависали скалы. Мелкие промоины Джим пересекал на полном ходу, скользя между плоскими валунами, выжимая из мотора всё, что тот мог дать. Он притормаживал лишь перед приливными карманами, всматриваясь в их глубину, выискивая брод, лишь затем чтобы снова выжать газ до отказа. Когда прибой развернулся и начал отвоёвывать уже успевший высохнуть песок, приливная ловушка осталась позади.

Ещё какое-то время он неистово мчал вперед, взметая тучи песка. Но постепенно гул мотора начал стихать, пока наконец машина не замерла у ручья. Тонкая, почти незаметная полоса пересекала пляж, исчезая в прибое. Джим проследил её глазами – небольшой родник бил прямо из склона оранжево-красного холма, слоенного как стопка блинов. Карликовый эвкалипт – скорее куст, чем дерево – нашёл прибежище в овраге неподалеку, бесчисленные шторма безжалостно скрутили его в форму капли.

Локтем Джим распахнул дверь, подошёл, пошатываясь, зачерпнул пригоршней воду. Пресную, чуть даже сладкую – он пил её жадно, не отрываясь, пока оставались силы. Затем выдохнул и изможденно рухнул на песок в редкой тени эвкалипта.

Прямо перед ним белела отмель, длинной дугой она исчезала в океане. Снова и снова волны взметались, чтобы обрушиться на неё, перевалить через песчаный барьер и дальше с бессильным шипением ползти к берегу. Они шли, одна за другой, размеренно, бесконечно, заставляя всё вокруг трепетать. Джим лежал, чувствуя под собой мягкое дрожание песка... Он был продолжением этой отмели, частью прибоя.

Где-то позади, в зарослях оврага, неспешно вели разговор попугаи. Двигатель потрескивал, отдавая своё тепло вечернему воздуху. Одиночество было осязаемо, Джим чувствовал его в каждом вдохе, впитывал его по капле, оно звенело в ушах. Он не заметил, как глаза закрылись.

Раздался крик. В панике, как загнанный зверь, Джим вскочил, вглядываясь в темноту, не в силах вдохнуть. Но вскоре память начала возвращаться, и со стоном, весь дрожа, стуча зубами, он скатился обратно на песок.

«Их нет... Её больше нет...»

Джим видел этот сон каждую ночь, всю свою жизнь, сколько себя помнил. И каждый раз был как первый. Отчаянно он пытался выхватить, запомнить эти лица, исчезающие вдаль, но ни разу они ему не открылись, расплываясь в памяти, как сливки в чёрном кофе.

Звезды светили ярко – машина, валуны, скудная поросль отбрасывали тень. Через всё небо, одним мазком разрывая его пополам, нависал Млечный Путь.

Теплый ветер шумел в ветвях. Крабы булькали в темноте. Вокруг шуршали, время от времени замирая и фыркая, тени лисиц, но вскоре они перестали обращать на него внимание. Чуть в стороне, на песке, как скелет какого-то колоссального ископаемого моллюска, белел выброшенный на берег ствол дерева. Остаток ночи Джим пролежал, дрожа, не отрывая взгляда от неба, считая упавшие звёзды, боясь закрыть глаза.

Наконец, из воды яркой точкой показалась Венера. Её робкий свет словно говорил, что бояться больше нечего, что ночь уже позади.

Они появились перед самым рассветом. Сначала один всполох света во мраке за южными холмами, затем другой – и вскоре искрящаяся точка возникла и стала приближаться зигзагами, как муравей, почувствовавший добычу. Вертолёт что-то искал. И Джим знал что.

Бежать, прятаться было поздно. Да и куда? Пойманный между водой и скалами, теперь он был лишь безучастным наблюдателем. Пятно прожектора пробежалось вдоль по узкой полосе пляжа, выхватывая из сумрака бульжники, выискивая следы. Затем пучок света задел по машине, и номерные знаки предательски блеснули в темноте. Как по сигналу двигатели взревели, вертолёт резко заложил вправо, в сторону от берега и, сделав разворот над водой, грузно сел рядом с поваленным деревом. Металлические шасси глухо вонзились в мокрый песок.

Прожектор мгновенно потух, шум двигателей спал, и лишь лопасти по инерции продолжали вращаться. Когда песок наконец улёгся, Джим разглядел в кабине две фигуры. Дверь со скрипом открылась и пассажир, вжимая голову в плечи, отбежал в сторону.

Он был странен – в предрассветной серости Джим видел, как все в нем было непропорционально: коренастый, с необычно широким телом, но короткими руками, он сутулился. Как будто при создании природа играла с его настройками и забыла вернуть их назад. Но Джим не мог не заметить про себя, что каждое движение, каждый шаг это несуразного силуэта излучал уверенность.

Ещё несколько шагов и Джим различил седые, молочного цвета волосы, забранные сзади в пучок. Незнакомец приблизился к поваленному дереву, остановился, приветливо кивнул Джиму и одним движением забрался на ствол.

Джим огляделся. Ему не оставалось ничего, кроме как подняться на ноги и подойти поближе. Незнакомец сидел к нему спиной, вглядываясь в океан. Даже в предрассветном сумраке его кожа отливала бумажно-белым; она казалась белее, чем ствол, на котором он сидел.

В воздухе не ощущалось угрозы.

Наконец, Джим вскарабкался по скользкому, отполированному волнами дереву, уселся чуть в стороне, затем обернулся и... застыл.

«Альбинос!» – прошептал он про себя.

Белые брови тонкой полоской очерчивали пустые, бесцветные глаза. Широкий и высокий лоб его был настолько же несуразен, как и остальное тело. И тут Джим снова вздрогнул, мурашки пробежали у него по спине. Нет, ошибки быть не могло – Джим видел веки, скулы, слегка приплюснутый нос. Перед ним сидел японец. Означать это могло лишь одно.

«Золото».

Джим почувствовал, как у него пересохло в горле. Но незнакомец продолжал улыбаться легко и открыто, как если бы они были давними, старинными приятелями.

– Великолепное, великолепное место! Прекрасный выбор. Не знал, что такие уголки ещё существуют.

«Японец-альбинос с британским акцентом...» – думал про себя Джим, не сводя с него взгляда. Его лицо было расслаблено. Казалось, что он сидел перед Джимом безо всякой защиты, без маски, не пытаясь спрятать эмоции. Пластиковые часы на запястье, спартанская рубашка и хлопковые штаны... Вдруг Джим понял, что человек напротив него не только не смущался, не только не страдал от своего исковерканного тела, не пытался его скрыть или украсить. Наоборот, казалось, что он чувствовал себя в нем абсолютно спокойно, естественно.

«Да кто же ты, чёрт побери, такой?» – подумал Джим.

– Мощь... Какая мощь... Невероятно, сколько силы в океане. Такая скрытая энергия... – бормотал незнакомец еле слышно.

Джиму оставалось лишь кивнуть.

– Джим, что ты тут делаешь? – незнакомец вдруг резко перешел к делу, не оглядываясь, не смотря на него.

– То же самое хотел спросить я, если бы знал твоё имя.

– Можешь называть меня Филом.

– Прекрасное японское имя, Фил, – Джим ухмыльнулся.

– Оно было свободно.

– Я так и понял, – кивнул Джим.

«Он здесь не для того, чтобы меня убить. Это понятно. Значит, нужна информация... Они отследили меня из Нью-Йорка. Но как, чёрт побери?»

– Фил, чем обязан? Что привело тебя на этот пустынный клочок песка?

– Помощь. Срочно нужна твоя помощь.

Некоторое время они оба сидели неподвижно. Свинцовое небо уже начало смягчаться, как если бы художник решил добавить немного розового. Лопасты вертолётки раскачивались на ветру.

– Джим, ну, конечно, мы знали, что золото исчезло, – вдруг сказал он.

– Как? – вздрогнул Джим. – И зачем же вы тогда наняли Нельсона?

– Чтобы найти тебя.

– Но ты же знаешь, – сказал Джим, – что я не работаю с государствами?

– Да, слышал. Но всё никак не могу понять, почему... – сказал Фил, затем резко повернулся и вцепился в Джима своими пустыми глазами: – Почему ты так не любишь людей?

От неожиданности Джим закашлялся.

– И всё же? – снова спросил Фил.

– Не людей, а то, что с ними делают группы, – ответил Джим наконец, сжав руки перед собой.

– Интересно, интересно... И что же такого ужасного они делают?

«За что,» – думал Джим, – «за что мне эта пытка?»

Фил не сводил с него глаз, сидя в пол-оборота. Джим не выдержал:

– Плоскими. Они делают их плоскими.

– Это как? – спросил Фил, прищурившись.

– Знаешь, – вздохнул Джим, – по отдельности люди ведь могут быть интереснейшими созданиями... У каждого своя история, своя судьба. Каждый – личность! Но собери их в группу и тогда... Вспомни, когда ты говоришь с кем-то один на один, часто получается интересная беседа. Находится много общих тем для разговора. Но вот присоединяется третий, и тем становится меньше. А если вас будет четверо, то всё мгновенно скатится на разговор о погоде, политике, машинах и футболе. Всё! Говорить больше не о чем. Остаются одни банальности, лишь чтобы занять время. Разговор ради разговора. Чтобы избежать неловкого молчания... Это общий знаменатель – чем больше чисел, тем меньше у них общих знаменателей. Чем больше людей, тем меньше общих тем. Группы размывают личность, делают её плоской.

– Ну, ну, Джим, не упрощай, – сказал Фил. – Группы полезны. В них больше шансов выжить. И вообще, группы – это естественное, природное явление. Какой смысл ему сопротивляться? Глупо идти против закона нечётности.

– Что ещё за закон нечётности?

– Видишь ли, – сказал Фил, – есть у этой Вселенной маленький секрет...

Он на секунду притих, вглядываясь в горизонт, как будто что-то высматривая. Легкие порывы ветра доносили пряный, солоноватый запах водорослей.

– Секрет? – спросил Джим.

– Природа, – кивнул Фил, – не любит нечётные предметы. Одиночек... Ей нравится четное. Она любит группы.

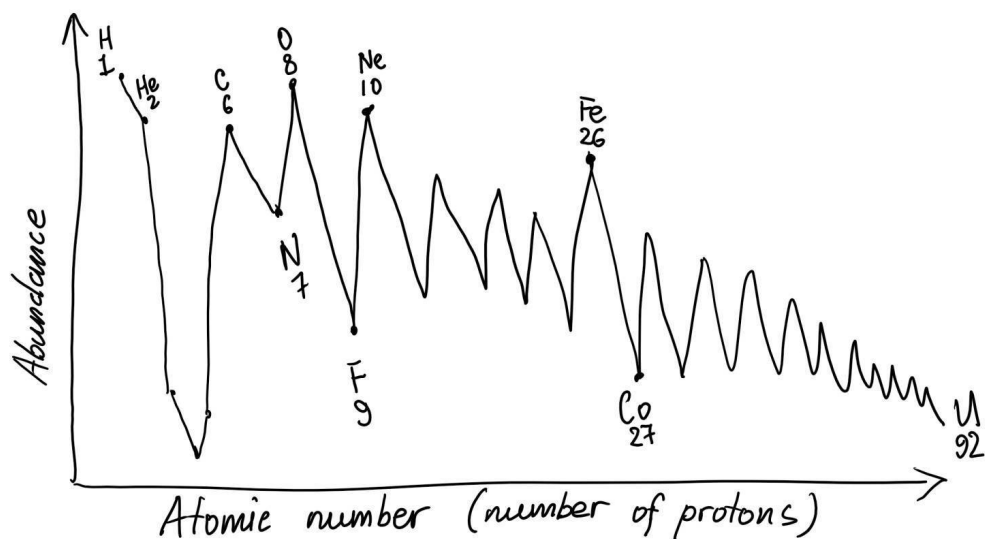
– Это как?

– Задумывался ли ты, почему одних химических элементов так много, а других почти нет? Углерод, кислород – повсюду... А где же всё остальное? Не странно, нет?

– Ну и почему? – спросил Джим.

Фил оглянулся по сторонам, прыгнул, подобрал валявшуюся неподалёку корявую палку и её тонким концом начал чертить на влажном песке.

– Если ты согласишься на то, как часто элементы встречаются во Вселенной, то увидишь...

Он посмотрел на свое творение со стороны, как бы любуясь им, кивнул и отбросил палку в сторону.

– Вот, – рукой он показал на песок, – представь таблицу Менделеева. Какие-то элементы встречаются чаще, какие-то реже. Вот примерно так. Тут они в том же порядке, что и в таблице, по мере возрастания количества протонов в ядре. Начиная с водорода с одним протоном – видишь, вот тут, слева вверху? И вплоть до урана с девяносто двумя протонами. Не замечаешь ничего странного?

– Колебания... – Джим замер. – Они же колеблются, вверх и вниз.

– Как пила, – ухмыльнулся Фил. – Атомы с четным количеством протонов – остря, с нечетным – впадины. Видишь железо со значком Fe? Оно четное – у него двадцать шесть протонов. У соседа, кобальта, двадцать семь. Кобальт нечетный. И поэтому железо встречается в тысячи раз чаще, чем кобальт. И так практически со всей таблицей Менделеева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.